

И. С. Федоров

Уральский федеральный университет,

г. Екатеринбург

ПРЕДСМЕРТНЫЙ МОНОЛОГ АННЫ: ТОЛСТОЙ, КЬЕРКЕГОР И СВЯТООТЕЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ¹

Аннотация: В статье анализируется последний монолог героини романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Автор статьи доказывает, что в представленном «потоке сознания» содержится почти вся философская проблематика романа, из-за чего предсмертный монолог Анны может стать ключом к пониманию данного произведения.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Анна Каренина, поток сознания, философия, духовный путь.

«Анна Каренина» – роман, занимающий особое место и в истории литературы, и в творчестве Льва Толстого. Это роман, который предвещает кризис как в судьбе самого писателя, если говорить о духовных поисках Толстого, так и в целом реалистическом направлении в литературе.

Изучение романа «Анна Каренина» началось уже в конце XIX в. Основу анализа его художественного мира заложили Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, И. А. Бунин, Д. С. Мережковский². Более глубоко внутреннее строение романа рассмотрено в работах исследователей XX в.: Э. Г. Бабаева, Г. Я. Гала-

1 Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

2 См. работы: Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1965. С. 5–165; Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877 г. // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14. СПб., 1995. С. 227–264; Леонтьев К. Н. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние: критический этюд. М., 2012. 160 с; Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М., 2000. 585 с.

ган, Е. Н. Купреяновой, В. В. Набокова, В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума¹. В последние пятнадцать лет появились также работы, в которых роман «Анна Каренина» рассматривается в аспекте религиозных, духовно-нравственных поисков Толстого. Это труды И. Б. Мардова, О. В. Сливичкой, А. Б. Тарасова².

С появлением романа в печати о нем заговорили как о животворном произведении, «куске самой жизни» (см.: [Сливичкая, с. 307]). Естественно, что текст подобного масштаба предельно насыщен смыслами. Смысловое наполнение романа Толстого рождает целое поле для его интерпретаций. Особое место в попытках интерпретации романа занимает образ Анны Карениной.

С самого первого появления Анны Карениной на страницах романа в ее образе акцентируется избыток жизни: «Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что мимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке» [Толстой, с. 57]. Анна воплощает собой идею красоты, ее красота индивидуальна. Жесты, мимика, поза, характерные движения – все это выражает собой ту необыкновенную красоту, которая и есть истина жизни. Избыток жизни в Анне в начале романа – это избыток любви, любви ко всему сущему. Вместе с тем в финале романа Анна, следуя древнему архетипу страсти, приходит к полному отрицанию жизни, отказу от всего, что с ней связано: «Все неправда, все ложь, все обман, все зло!» [Там же, с. 642], это определяет двойственность ее образа.

Сам Толстой воздерживался от того, чтобы давать какую-либо оценку своей героине. Для финального монолога Анны он выбирает наиболее отвлеченную от авторского сознания форму – «поток сознания», намеренно отрешаясь от роли всевидящего автора. Эта форма, свободная в своей основе, отвечает глобальности задач, которые ставит перед собой Толстой. «Поток

-
- 1 См., например: Бабаев Э. Г. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. М., 1978. 158 с; Бабаев Э. Г. Захватывающий интерес современности // Вершины: Книга о выдающихся произведениях русской литературы. М., 1983. С. 257–263; Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания. Л., 1981. 174 с; Купреянова Е. Н. Эстетика Толстого. М.; Л., 1966. 324 с; Набоков В. В. Лев Толстой. «Анна Каренина» // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. М., 1998. С. 215–312; Шкловский В. Б. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. М., 1981. 352 с; Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. 360 с.
 - 2 См.: Мардов И. Б. Отмщение и воздаяние // Вопросы литературы. 1998. № 4. С. 144–159; Сливичкая О. В. «Истина в движении»: о человеке в мире Л. Толстого. СПб., 2009. 443 с; Тарасов А. Б. Является ли праведницей Анна Каренина? // Литература в школе. 2001. № 3. С. 2–5.

сознания», вбирая саму жизнь, позволяет показать ее движение в пределах одной личности.

Толстой был уверен – это особенно видно по его дневникам – что в человеке в каждое мгновение его жизни идет борьба между жизнью и смертью. Фактически, человек, по Толстому, непрерывно борется со смертью в себе. И вопрос о том, что же одерживает верх, – вопрос принципиальной важности. В каждом человеке решается судьба мира. Внутренний монолог Анны представляет собой эту битву жизни и смерти.

На протяжении всего своего внутреннего монолога Анна Каренина находится в предельном состоянии сознания. Вслед за датским философом Сереном Кьеркегором при анализе внутреннего состояния Анны мы выделяем категорию *отчаяния*. Отчаяние для Кьеркегора – экзистенциальная категория, которая характеризуется комплексным переживанием безотчетного страха, бессмысленности собственного существования, иллюзорности жизни, конечности бытия. В состоянии отчаяния перед человеком во всей сложности встают основные бытийные вопросы: о смысле и сущности жизни, о Боге и смерти.

Отчаяние, по Кьеркегору, ведет человека либо в подлинность существования, либо в бездну небытия. Осознание своей погруженности в отчаяние – необходимое условие для преодоления «болезни к смерти» и пробуждения подлинного человеческого Я. Человек должен познать себя – познать всю глубину своего отчаяния, чтобы встретиться с Богом лицом к лицу. Лишь осознание поврежденности своей природы, признание своей греховности, собственной ничтожности может стать толчком на пути к подлинной личности, ибо подлинность существования обретается только перед Богом, полагает Кьеркегор.

В своем труде «Болезнь к смерти» [Кьеркегор, с. 251–351] Кьеркегор анализирует категорию отчаяния с различных сторон, в частности, он рассматривает ее с точки зрения сознания. Отчаяние может быть сознательным и бессознательным. Отчаяние второго типа испытывают люди, живущие естественными человеческими потребностями, они не занимаются поиском ответов на главные бытийные вопросы, которые жизнь ставит перед человеком. По Кьеркегору, эти люди по-настоящему не обрели себя. Люди же, отнесенные к первому типу, – отчаявшиеся, которые осознают свое отчаяние.

Сознательное отчаяние делится на два вида: отчаяние, когда не желают быть собой (отчаяние-слабость), и отчаяние, когда желают быть собой (отчаяние-вызов). Отчаяние-слабость Кьеркегор условно называет «женским», а отчаяние-вызов – «мужским», это связано с психологическими особенностями, присущими женщинам и мужчинам. Однако в отношении к Богу гендерные различия стираются. Достигая одного из этих видов отчаяния, человек равно приближается к достижению веры.

Анализируя «поток сознания» Анны Карениной, мы приходим к выводу о том, что состояние, в которое погружается Анна, можно характеризовать как *отчаяние в самом себе, отчаяние-слабость*. Одним из признаков, характеризующих данный тип отчаяния, является «герметизм». Отчаявшийся в самом себе решает свои духовные вопросы исключительно внутри самого себя, отказываясь быть собой, он оказывается замкнутым на своей личности. Весь «поток сознания» Анны демонстрирует нам мир, абсолютно замкнутый на себе. Анна не может по-настоящему открыться Другому: «Разве можно другому рассказывать то, что чувствуешь?» [Толстой, с. 637]. Это приводит ее к мысли, что человеческое общение невозможно: «Я хотела рассказывать Долли, и хорошо, что не рассказала. Как бы она рада была моему несчастью! Она бы скрыла это; но главное чувство было бы радость о том, что я наказана за те удовольствия, в которых она завидовала мне» [Там же].

Символом герметизма внутреннего мира Анны является красный мешочек, сопровождающий героиню в самых сложных жизненных ситуациях. Единственный, кто проникает в этот замкнутый на себе мир, – это «страшный мужик» из ночного кошмара Анны, символ ее греха и преступления: «И это что-то повернулось, и я вижу, что это мужик маленький с взъерошенной бородой и страшный. Я хотела бежать, но он нагнулся над мешком и руками что-то копошится там...» [Там же, с. 307]. Красный мешочек одновременно является символом сердца, которое в православии понимается как место пребывания личности, человеческой ипостаси. Таким образом, мужик, роющийся в мешке, являет собой образ изувеченной личности, которую с ужасом открывает в себе Анна.

Замыкаясь на своем грехе, Анна осознает себя падшей женщиной, обьятой плотскими страстями. В христианской традиции страсть плоти связывается с мотивом «нечистоты»: «Если введешь его (Демона блуда. – И. Ф.)

в храм свой, Бог оставит тебя, и храм твой преисполнится всякой нечистоты, зловония и мрака» [Сирин, с. 64]. Анна ощущает себя заложницей греха, его прелести. Она чувствует потребность в удовлетворении своих желаний на физическом уровне так же, как человек чувствует голод: «Я знаю свои аппетиты, как говорят французы» [Толстой, с. 637]. В сознании Анны совершается переход от физиологического понятия «аппетит» к более чувственному понятию «сладости». Стоит отметить, что данный переход происходит в русле святоотеческой традиции, где существует понятие «сласть плотская» как противоположность духовной сладости. В одном из своих писем Феофан Затворник пишет: «Сласть плотская стала отрицанием христианства внутри нас. И ничто так не подавляет радости духовной ныне, как сия сласть» [Феофан, с. 106].

Мотив «сладости» смешивается в «потоке сознания» Анны с бессознательным мотивом «нечистоты», что дает кажущееся оксюморонным сочетание «грязное мороженое»: «Вот им хочется этого грязного мороженого» [Толстой, с. 637]. Анна считает, что «сладость», желание плоти побудили ее к падению, запятнали ее живую душу. Будучи в состоянии отчаяния, она не видит в человеке иного начала, кроме плотского. Человек подчинен диктату плоти, позывы тела — единственный способ познания мира: «Вот им хочется этого грязного мороженого. Это они знают наверное, — думала она, глядя на двух мальчиков, остановивших мороженника, который снимал с головы кадку и утирал концом полотенца потное лицо. — Всем нам хочется сладкого, вкусного. Нет конфет, то грязного мороженого» [Там же].

Подобное понимание человека приводит Анну к мысли о невозможности подлинной любви: «Если б я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу и не хочу быть ничем другим. И я этим желанием возбуждаю в нем отвращение, а он во мне злобу, и это не может быть иначе» [Там же, с. 640]. Отрекаясь от своей любви к Вронскому, которая составляла основу ее личности, отделяя себя от него, Анна отрекается и от самой себя. В отречении от своего Я Анна бросает вызов Богу: ««Нет, я не дам тебе мучать себя», — подумала она, обращаясь с угрозой не к нему, не к самой себе, а к тому, кто заставлял ее мучаться» [Там же, с. 643].

В этом неподчинении божественной воле, в утверждении своей личности, в осознании себя во грехе (поскольку отчаяние — это безусловный грех)

Кьеркегор видит парадоксальное приближение к Божественному Началу: «Ибо такова странная акустика духовного мира, таковы странные законы, которые управляют его расстояниями! Человеку надо находиться как можно дальше от Бога, чтобы суметь бросить ему это “нет”» [Кьеркегор, с. 335].

Анна угрожает Богу, в этом действии она доходит до богоборчества. Она идет на протест против Бога, который создал ее *такой*, который вложил страсть в ее душу. По мысли Кьеркегора, в подобный момент человек, доходя до пределов своего отчаяния, впадает в веру. Кьеркегор определяет веру как страсть к Абсолюту, которая может помочь концентрации экзистенции, то есть обретению цельности личности и осуществлению настоящего предназначения человека. Акт веры – это акт мужества, возможный только в крайней точке напряжения экзистенции. Это парадокс, который соединяет в человеке конечное и бесконечное, время и вечность.

Подтверждением того, что Анна переживает акт веры, становится жест крестного знамения, который на мгновение разрывает мрак в ее сознании: «мрак, покрывавший для нее все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми ее светлыми прошедшими радостями» [Толстой, с. 644]. Анна вновь чувствует себя живой, но, следуя древнейшему архетипу, уже не может остановиться. В последний раз Анна обращается к Богу: «“Господи, прости мне все!” – проговорила она, чувствуя невозможность борьбы» [Там же].

Выполняя функцию кульминации в романе, «поток сознания» Анны на смысловом уровне смыкается с его финалом. Две параллельные сюжетные линии – Анна и Вронский, Левин и Кити – линии, которые на протяжении всего романа контрастировали, спорили друг с другом, сходятся во внутреннем монологе Анны в одной предельной точке.

На фабульном уровне судьбы Анны и Левина мыслятся как диаметрально противоположные. Судьба Анны – абсолютно трагична, постигшая ее роковая страсть подобно омуту затягивает в себя судьбы людей, окружавших Анну, лишая их счастья в жизни: Вронский отправляется на войну искать смерти, Каренин, переживший внутреннюю трагедию, оказывается в полном одиночестве, единственным утешением для него остаются дети. Напротив, Левин в конце романа приходит к гармонии с самим собой, он находит Бога.

В этом ключевом для понимания романа моменте – в обретении Бога – парадоксальным образом «счастливая» судьба Левина соприкасается

с абсолютной трагической судьбой Анны. Оба героя ищут и находят Бога, но совершенно противоположными путями: Левин движется по пути принятия того, как устроена жизнь, Анна – по пути отказа. Если духовный путь Левина заключен в постепенном приближении к Богу, то Анна на протяжении всего «потока сознания» все дальше удаляется от Него, доходя до протеста и богоборчества, но именно этот путь отрицания приводит Анну к обретению веры.

Таким образом, в финальном монологе героини в сжатом, сконцентрированном виде содержится вся основная философская проблематика «Анны Карениной». Именно «поток сознания» Анны может стать ключом к пониманию всех общеполитических смыслов романа.

Список литературы

Бабаев Э. Г. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. – М.: Худож. лит., 1978. – 158 с.

Бабаев Э. Г. Захватывающий интерес современности // Вершины: Книга о выдающихся произведениях русской литературы. – М.: Дет. лит., 1983. – С. 257–263.

Бунин И. А. Освобождение Толстого // Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. – М.: Худож. лит., 1965. – С. 5–165.

Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. – 174 с.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1877 г. // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14. – СПб.: Наука, 1995. – С. 227–264.

Куприянова Е. Н. Эстетика Толстого. – М.; Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1966. – 324 с.

Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993. – 383 с.

Леонтьев К. Н. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние: критический этюд. – М.: Либроком, 2012. – 160 с.

Мардов И. Б. Отмщение и воздаяние // Вопросы литературы. – 1998. – № 4. – С. 144–159.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. – М.: Наука, 2000. – 585 с.

Набоков В. В. Лев Толстой. «Анна Каренина» // Набоков В. В. Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1998. – С. 215–312.

Сирин Е. О борьбе с блудной страстью // О блудной страсти. Святые отцы и современные пастыри о грехе плотской нечистоты. – СПб.: Сатись, 2008. – С. 60–64.

Сливицкая О. В. «Истина в движении»: о человеке в мире Л. Толстого. – СПб.: Амфора, 2009. – 443 с.

Тарасов А. Б. Является ли праведницей Анна Каренина? // Литература в школе. – 2001. – № 3. – С. 2–5.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. – М.: Наука, 1970. – 910 с.

Феофан (Говоров Г. В.), еп. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем : [в 2 т.]. [Репр. изд.]. Т. 1, вып. 1, 2, 3 и 4. – М.: Правило веры, 2000. – 256 с. (Духовное наследие святителя Феофана Затворника. Сер. I, Собр. писем в 8 вып.).

Шкловский В. Б. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. – М.: Сов. писатель, 1981. – 352 с.

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. – Л.: Худож. лит., Ленингр. отд-ние, 1974. – 360 с.